

Модернизация семьи в России и Китае: роль государства

Кашина М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; Kashina-ma@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Главной тенденцией развития социальных отношений в современном обществе выступает их индивидуализация. Люди перестают зависеть от семьи и помощи ее членов, а опираются на себя, на свои индивидуальные возможности и успехи. Модернизация семьи обусловлена социально-историческим и политико-идеологическим контекстом конкретной страны и выражается в степени утраты семьей своих экономических функций. Глобальная тенденция нуклеаризации семьи и снижения рождаемости по-разному проявляется в России и Китае. Это связано со степенью урбанизации, экономической активности женщин и приверженности населения традиционным семейным ценностям. В целях сохранения уровня рождаемости Китай начал проводить политику неофамилизма, основанную на ценностях конфуцианства. У России нет возможности пойти таким же путем, потому что урбанизация и модернизация общества, в том числе семейных отношений, в стране началась гораздо раньше, чем в Китае. Задача стабилизации численности населения России может быть решена только путем дальнейшей модернизации семейных отношений, ведущей к формированию эгалитарной (партнерской) модели семьи. В то же время это не лишает российское государство возможности использовать семью в качестве буфера, смягчающего для населения жестокость реалий рыночной экономики.

Ключевые слова: демографический переход, гендерный контракт «работающая мать», семейная политика, семейные ценности, неофамилизм, конфуцианство, урбанизация

Для цитирования: Кашина М. А. Модернизация семьи в России и Китае: роль государства // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 175–190.

Modernization of Family in Russia and China: the Role of the Government

Marina A. Kashina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; Kashina-ma@ranepa.ru

ABSTRACT

The individualization of social relations is the main trend in modern society. People do not depend on family and help of its members anymore. They rely on themselves, their individual capabilities and successes. Family modernization is determined by a socio-historical and political-ideological context of a country. It is expressed in a degree to which the family loses its economic functions. The global trend of family nuclearization and fertility decline is manifested differently in Russia and China due to the degree of urbanization, the economic activity of women and the population's commitment to traditional family values. In order to preserve the birth rate, China began to pursue a neo-familism policy which based on the values of Confucianism. Russia does not have the opportunity to go the same way, because urbanization and modernization of society, started in this country much earlier than in China. The task of stabilizing the population of Russia can be solved only by further modernizing of family relations. It should lead to the creation of an egalitarian (partner) model of the family. At the same time, this does not deprive the Russian state of the opportunity to use the family as a buffer, mitigating for the population the cruelty of the realities of the market economy.

Keywords: demographic transition, “working mother” gender contract, family policy, family values, neo-familism, Confucianism, urbanization

For citing: Kashina M. A. Modernization of Family in Russia and China: the Role of the Government // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 175–190.

Введение

Переход к постиндустриальному обществу / обществу риска проблематизировал существование института семьи и исполнение им своей основной функции — воспроизводства населения. В современном обществе «люди освобождаются от социальных форм индустриального общества — от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами» [9]. Главной тенденцией развития социальных отношений становится их индивидуализация на фоне роста уровня жизни. Люди перестают зависеть от семьи и помощи ее членов, а опираются на себя, на свои индивидуальные возможности и успехи. Сама необходимость семейной жизни ставится под сомнение. «Главная фигура развитого модерна — это *одинокий* мужчина или *одинокая* женщина» [9].

И. Кон назвал XX век веком трех революций — сексуальной, семейной и гендерной. Он отмечает: «главный сдвиг в брачно-семейных отношениях заключается в изменении критериев оценки: формальные количественные (например, продолжительность брачного союза) и объективные (например, наличие детей) показатели сменяются качественными. На первый план выходит понятие субъективного благополучия (subjective well-being)» [26]. В этих условиях семья все больше превращается в малую группу, утрачивая черты социального института, обретая статус индивидуальной ценности, а не общественной/объективной необходимости.

В современной социологии признано, что переход от традиционного общества к современному каждая страна совершает по-своему, нет единого универсального пути. Это в полной мере относится и к модернизации института семьи, хотя две основные тенденции, о которых шла речь выше — индивидуализация и акцент на стремлении к субъективному чувству счастья, характерны для всех вариантов ее модернизации, поскольку именно в этом она и состоит.

В отечественной литературе существует огромный пласт литературы, посвященной современной семье и ее репродуктивной функции. Исследуются новые формы семьи и брака [13], гендерные отношения в семье и факторы устойчивости брака [17], анализируются модели родительства и родительский потенциал [8], репродуктивные планы супругов [15], изучаются семейные стратегии российского студенчества и их представления в отношении родительства [3; 14], анализируются различные аспекты семейной политики и, в частности, влияние мер материальной поддержки семьи на процессы рождаемости [10]. Взаимодействие семьи и государства исследуется обычно в рамках двух тем: государственная семейная политика [см., например, 37] или демографическая/гендерная политика [см., например, 16; 19]. И в том, и в другом случае отношения семьи и государства полагаются асимметричными, государство выступает субъектом политики, семья — ее объектом.

Обратное воздействие семьи на государство, которое протекает на двух уровнях — макро и микро, исследуется значительно реже. Макровоздействие осуществляется через воспроизводство рабочей силы / трудовых ресурсов / населения как такового, его количественных и качественных характеристик. Микровоздействие проявляется через обеспечение морально-психологического благополучия государственных служащих, через разрешение или усугубление их внутриличностных

конфликтов. Учитывая, что в России женщины составляют более 70% состава кадров государственного аппарата, конструктивное решение их основного ролевого конфликта «семья-работа» напрямую определяет эффективность работы этого аппарата [подробнее см. 20]. Что касается военной службы, в которой преобладают мужчины, то здесь «крепкий семейный тыл» — это основа национальной безопасности, поскольку трудно переоценить значение морально-психологического благополучия людей, у которых в руках оружие.

Еще одним важным направлением исследований выступает оценка влияния на модернизацию семьи других общественных институтов. Лучший пример подобного влияния — изменение распределения семейных ролей и рост внебрачной рождаемости в России 1990-х [13, с. 100]. Другой пример — вариация суммарного коэффициента рождаемости (далее СКР) в европейских странах. В 2017 г. СКР во Франции составил 2,07, в Исландии — 2,0, в Швеции и Великобритании — 1,88, в Норвегии — 1,85, в Австрии он равнялся 1,47, Германии — 1,45, а в Италии — 1,44¹. Исследователи объясняют эту вариацию влиянием особенностей институциональной структуры страны [24].

Отечественных исследований семьи, загружающих эмпирику в институциональную рамку, пока явно недостаточно. В данной статье предпринята попытка закрыть этот теоретический пробел в одной весьма узкой области — определение характера воздействия государства на репродуктивную функцию модернизирующейся семьи с целью оценить границы этого воздействия. Институциональность будет включена в исследование через компаративный анализ семьи и семейной политики в России и Китае. Имеющийся в настоящее время массив источников о китайской семье на русском языке позволяет это сделать. Есть масштабные компаративные исследования тенденций изменения семьи в России и Китае [18; 25; 31], есть работы, анализирующие китайскую демографическую / семейную политику [4; 6; 7; 27; 29; 30; 34], социально-демографическое развитие КНР [5], проблемы китайской семьи [28; 32], влияние социокультурных трансформаций на китайскую семью [1], на положение женщин в современном китайском обществе [11; 35], проведены исследования динамики семейных ценностей китайцев [36], в том числе китайской молодежи [12]. Особый интерес представляет работа О. В. Сивинцевой, которая анализирует пронаталистский поворот в репродуктивной политике Китая с позиций неинституционального подхода [33].

Еще раз отметим, что полноценное исследование процессов модернизации семьи требует анализа не только деятельности государства, но и воздействия на семью других общественных институтов, в первую очередь, экономических и культурных. Однако это задачи будущих исследований, в этой работе мы останемся в рамках государственной семейной / демографической политики². Сначала будет описана методология исследования, его теоретические линзы, сформулированы цель и основная гипотеза, далее будут представлены результаты, а именно: 1) анализ статистических и социологических данных, описывающих процесс модернизации семьи в России и Китае; 2) характеристика роли государства в процессах модернизации семьи в России и Китае; 3) определение факторов успешности/неуспешности семейной/демографической политики го-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости. Сайт CIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html?> (дата обращения: 20.02.2020).

² Семейная и демографическая политики — две разных (самостоятельных) отрасли социальной политики государства. Однако в рамках данной статьи они рассматриваются вместе и как синонимы в силу того, что в качестве предмета исследования выступает репродуктивная функция семьи.

сударства в двух странах. В заключении будут сделаны выводы и намечены направления дальнейших исследований.

Методология исследования

Были использованы три теоретических линзы. 1. Теория другого (второго) модер-на У. Бека [9], которая позволяет связать задачи экономической модернизации с процессами нуклеаризации семьи и индивидуализации жизненного сценария. 2. Концепция множественности/вариативности модернизации Ш. Эйзенштадта. А именно, его идея о том, что «модернизация может иметь частичный характер, т. е. формирование новых институтов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации» [38, с. 473]. Этот тезис позволяет понять, почему для решения демографических проблем государство может проводить политику частичной модернизации или даже демодернизации семьи. 3. Типология политических культур Г. Алмонда и С. Вербы [2]. В связи с тем, что в статье анализируется деятельность государства, эта теоретическая линза позволяет оценить характер взаимоотношений государства и граждан, степень их зависимости/независимости от государства, в том числе в решении семейных проблем.

Исследование является кабинетным, выполнено на основе вторичного анализа источников, в большинстве из которых использована количественная методология сбора данных.

Цель исследования

Выявить особенности семейной/демографической политики государства в России и Китае в конце XX — начале XXI вв. и оценить их в контексте процесса модернизации семьи.

Основная гипотеза

В странах, заканчивающих демографический переход, возникает противоречие между потребностью государства в стабилизации численности населения и снижением рождаемости в модернизирующейся семье. Разрешение этого противоречия видится политикам России и Китая в частичной модернизации семьи через включение в демографическую/семейную политику дискурса неотрадиционализма (неофамализма). Если в Китае еще есть для этого объективные условия, то в России их уже нет.

Результаты исследования

Модернизация семьи происходит вместе с демографическим переходом, который результируется в общих показателях естественного движения населения. В табл. показана их динамика за последние 70 лет. Россия и Китай начинают практически совпадать по общему коэффициенту рождаемости с 2008 г., а в 2017 г. наши страны имели практически равный СКР. Россия — 1,61, Китай 1,6¹. Однако пути, приведшие к одинаковым результатам, являются совершенно разными.

¹ Суммарный коэффициент рождаемости. Сайт CIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html?> (дата обращения: 20.02.2020).

**Показатели естественного движения населения в России и Китае,
%, 1950–2018 гг.***
Table. Vital indicators in Russia and China ‰, 1950–2018

Год	К рождаемости		К смертности		К естеств. прироста	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
1950	26,9	37,0	10,1	18,0	16,8	19,0
1960	23,2	20,86	7,4	25,43	15,8	4,57
1970	14,6	33,43	8,7	7,6	5,9	25,83
1980	15,9	18,21	11,0	6,34	4,9	11,87
1990	13,4	21,06	11,2	6,67	2,2	14,39
1995	9,3	17,12	15,0	6,57	5,7	10,55
2000	8,7	14,03	15,3	6,45	6,6	7,58
2002	9,7	12,86	16,2	6,41	6,5	6,45
2004	10,4	12,29	16,0	6,42	5,6	5,87
2006	10,4	12,09	15,2	6,81	4,8	5,28
2008	12,1	12,14	14,6	6,93	2,5	5,17
2010	12,5	11,90	14,2	7,11	1,6	4,79
2012	13,3	12,10	13,3	7,15	0	4,95
2014	13,3	12,37	13,1	7,16	0,2	5,21
2016	12,9	12,95	12,9	7,09	0,01	5,86
2018	10,9	10,94	12,5	7,13	1,6	3,81

*Таблица построена по данным Федеральной службы государственной статистики РФ. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://www.gks.ru>, Национального бюро статистики Китая (NBS). Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?> (дата обращения: 17.02.2020) и материалов (Баженова).

В России начало активной пронаталистской политики датируется 2006 г., когда Президент страны в ежегодном послании Федеральному Собранию объявил демографию самой острой проблемой современной России¹. Как свидетельствуют данные таблицы, возврата к дореформенным уровням рождаемости не произошло. Более того, коэффициент рождаемости 2018 г. оказался одним из самых низких за весь период проведения политики стимулирования рождаемости.

Необходимо сказать, что и Китай после официальной отмены в 2015 г. политики «одна семья — один ребенок» не получил ожидаемого увеличения рождаемости. В 2018 г. «ожидалось рождение более 21 млн детей. Но родилось только 15,23 млн, что практически на 2 млн меньше данных 2017 и 2016 гг. (17,23 млн и 17,86 млн)» [33, с. 54].

И. Елисеева прогнозирует, что в России сокращение количества детей «будет нарастать до 2024 г. и только после 2024 г. начнется сокращение темпов снижения рождаемости» [31, с. 74]. При этом проблема не ограничивается только малочисленностью контингента фертильных женщин, не меньшее значение име-

¹ Послание Президента В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 10.05.2006 // Российская газета. 11.05.2006. Федеральный выпуск № 4063.

ют репродуктивные установки населения. Межпоколенный анализ родительского потенциала, проведенный О. Безруковой, показал, что «подростки, в большей степени, чем взрослые, поддерживают установки на необязательность материнства и отцовства... они ориентированы на меньшее число детей в своих будущих семьях» [8, с. 94].

Политика планирования семьи и ограничения рождаемости была официально начата в Китае в 1979 г., в качестве национальной цели было провозглашено достижение к 2000 г. нулевого прироста населения [31, с. 67–68]. По факту в 2000 г. естественный прирост населения Китая составил 7,58%. (см. табл.). Политика «одна семья — один ребенок» принесла немало проблем стране как демографических [подробнее см. 31, с. 67–71], так и социальных [12]. Было официально признано, что она не отвечает современным запросам китайского общества. В октябре 2015 г. на 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято решение разрешить иметь в семье двух детей без всяких дополнительных условий [34, с. 115]. Оценки результатов подобной политики давать еще рано, но определенные трудности уже обозначились. Так, по итогам социологического опроса, 53,3% китайских семей, имеющих одного ребенка, не стремятся перейти в категорию двухдетных, в экономически развитых провинциях и городах среди опрошенных с высшим образованием 60% супружеских пар хотят иметь только одного ребенка [6, с. 105–106]. «В Нанкине¹ среднее идеальное число детей в семье составляет 1,2 для тех, кому до 30 лет и 1,3 для тех, кому за 30 [27, с. 58]. Растет возраст вступления в брак. «С 2005 по 2015 гг., доля лиц, вступивших в брак в возрасте 20–24 лет, снизилась с 47% до 26,3%, а доля лиц в возрасте 40 лет и старше возросла с 3,9% до 16,2%» [1, с. 173]. Существует проблема «маленьких императоров» (единственных детей в семье, рожденных в 1980-е и 1990-е годы), заключающаяся в том, что многие дети школьного возраста не хотят иметь младших детей в семье. «В Циндао китайские школьники даже создали «Коалицию против братьев и сестер» [34, с. 121]. Растет осознанная бездетность. Появилась специальная аббревиатура для таких семей — DINK (Double Income No Kids — Двойной доход без детей). «50,2% жительниц Пекина, чей месячный доход составляет от 5 до 15 тыс. юаней, не состоят в браке» [32, с. 243]. «У молодежи снижается ценность традиционных брачных уз, ... развивается стремление к свободе, профессиональному развитию, большое внимание уделяется вопросам экономической выгоды» [36, с. 312].

Выше уже говорилось, что основная линия модернизации семьи связана с ее нуклеаризацией и индивидуализацией жизненных стратегий. По данным переписи 2002 г., средний размер российской семьи равнялся 2,7 чел.², по данным микропереписи 2015 г., — 2,4³. Средний размер китайской семьи в 2000 г. составлял 4,33 чел., а в 2014 г. — 2,97 [6, с. 99].

Индивидуализация жизненных стратегий проявляется в разнообразии форм брака и семьи в наших странах. В Китае формируются новые формы брачных отношений: DINK (сознательная бездетность), пробное замужество и совместное проживание. однополые союзы, «супруги на выходные», тайный брак, безбрачие (откладывание вступления в брак) [36, с. 312]. Среди молодого поколения по-

¹ Нанкин — бывшая столица Китая, город с населением более 6 млн человек, крупный промышленный и культурный центр на востоке страны.

² Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 6. «Число и состав домохозяйств» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=1> (дата обращения: 21.02.2020).

³ Микроперепись населения 2015. Разд. IX. Домохозяйства и семейные ячейки, учтенные микропереписью [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 21.02.2020).

являются семьи модели «АА», «главная особенность которой заключается в несении обоими супругами расходов в равной мере и невмешательстве в финансовые дела друг друга» [12, с. 18]. По данным опроса 2010 г., среди китайских супружеских пар, созданных людьми, родившимися после 1980-х, доля сожительства до брака достигла 30% [1, с. 178].

В России идут аналогичные процессы, растет число незарегистрированных браков, появляются «гостевые» браки (раздельное проживание супругов) и межрегиональные, растет число семей с пропущенным поколением, увеличивается число неполных семей [подробнее см. 13]. По данным социологических опросов студенческой молодежи, семья перестает быть необходимым элементом успешного жизненного сценария. Основой создания семьи признаются «любовь или уважение и доверие как условие для появления любви в процессе совместной семейной жизни» [3, с. 208], а отнюдь не необходимость родить и вырастить детей.

Приведенные выше данные позволяют констатировать, что и в России, и в Китае семья переходит от традиционной (расширенной, патриархатной) к современной (партнерской, супружеской). Рассмотрим, какую роль в этом играет государство.

Политика планирования семьи в целях сокращения рождаемости, начатая в Китае в конце 1970-х, в общем и целом, совпала с объективным процессом перехода от второго этапа демографического перехода к третьему. Наряду с ускорением темпов экономического развития страны, шел активный процесс урбанизации. «В 2011 г. число городских жителей впервые превысило численность сельского населения (51,3% и 48,7% соответственно). В 2017 г. горожан стало еще больше — 813,47 млн чел. (58,52%), По прогнозам, к 2025 г. число городских жителей в Китае достигнет 915 млн чел., а в дальнейшем, к 2030 г., составит 1020 млн, 70% общей численности населения КНР» [5, с. 114].

Миграция сельских жителей в города на заработки (своего рода «отходничество») породила в стране рост числа семей, в которых родители живут отдельно от детей. «Дети, „оставленные“ родителями-мигрантами, составляют 35,1% всех детей, проживающих в сельской местности... на конец 2010 г. из 61 млн таких детей у 46,74% мигрировали оба родителя» [31, с. 35]. Подобное раздельное проживание объективно ведет к снижению рождаемости у сельских жителей. Что касается обеспеченных городских женщин и семей с высоким уровнем образования, то они, как уже отмечалось, выбирают стратегию бездетности или откладывания рождения детей. По данным опросов китайских женщин, в 2016 г. «показатель идеального числа детей в семье составил 1,75... При этом только 30% опрошенных женщин планируют иметь двоих детей». Наименьшие показатели по желаемому числу детей зафиксированы у женщин старше 35 лет [27, с. 59].

Можно предположить, что снижение рождаемости в Китае произошло бы и без проведения политики планирования семьи, только в силу модернизации экономики и связанной с этим урбанизации, как это произошло в свое время в СССР, но этот процесс шел бы значительно медленнее. Китайскому государству «за счет введения жестких мер ограничения рождаемости, сопровождаемых позитивной и негативной мотивацией (населения), распределением социальных гарантий и социальной рекламой» [33, с. 58], удалось модернизировать традиционную семью всего за 40 лет.

Подобное вмешательство государства в жизнь семьи специалисты называют «государствоцентризмом», который предполагает поощрение рождаемости «вне зависимости от семейного и сексуального выбора граждан» [33, с. 56]. Переход к политике двухдетности не изменил этот принцип, семья по-прежнему должна служить государству и меняться, исходя из задач экономического развития. «При помощи нового курса, отмечает О. Сивинцева, государство в очередной

раз решает экономические задачи: в условиях сокращения темпов экономического роста руководство стремится расширить внутренний спрос среди населения, а также ликвидировать негативные последствия политики одного ребенка» [33, с. 59].

По сути, это является политикой частичной модернизации семьи через использование философии конфуцианства в части заботы детей (сыновей) и родителей друг о друге. Государство перекладывает заботу о несовершеннолетних и пожилых гражданах на родственников. «Такие нормы содержатся как в Законе о браке, так и Законе о защите прав и интересов пожилых, последний из которых апеллирует к обязанности детей посещать родителей и выплачивать им ежемесячные пособия» [33, с. 60]. Тем самым дети становятся «живой пенсией» для родителей.

М. Клупт называет это дискурсом «неофамилизма», смысл которого состоит в том, что государство использует конфуцианские ценности для решения социально-экономических и политических задач. Он отмечает, что экономическая модернизация «приводит не к ослаблению связей между индивидом и семьей (как на Западе), а к воспроизводству центральной роли семьи в повседневной жизни [31, с. 35]. Речь идет о развитии семейного бизнеса, о трудоустройстве с помощью семейных связей и о миграции из сельских районов в города с целью обеспечить членов семьи (детей и пожилых родителей). «Миграция становится частью семейного проекта. 70–75% мигрантов отправляют денежные переводы своим родным и близким, оставшимся по прежнему месту жительства. Вне места постоянной регистрации в 2016 г. проживало 292 млн чел. — более 1/5 населения КНР» [25, с. 66].

Нельзя забывать и об идеологических мерах политики планирования семьи, очень важных для китайского общества. Политика ограничения рождаемости проводилась под лозунгами «Один ребенок — это жизнь в благополучии; два ребенка — жизнь в постоянных трудностях; три ребенка — жизнь в постоянном ужасе» [34, с. 115] и «поздно, редко, мало». Под «поздно» понимается поздний брак (для мужчин — не раньше 25 лет, для женщин — 23 года; рождение детей — не раньше, чем в 24 года); «редко» — разница в возрасте между детьми должна быть не менее 3 лет; «мало» — не более 2 детей в семье» [33, с. 57]. Переход к политике двух детей в семье потребует новых лозунгов. Один из них — «лучшее наследство для ребенка — его братья и сестры» [34, с. 121].

Впрочем, некоторые авторы полагают, что Китай уже прошел точку невозврата и поднять рождаемость не сможет, поэтому «численность населения Китая начнет снижаться к 2023 г.» [31, с. 84].

Обобщая роль государства в модернизации семьи в Китае, можно сделать ряд выводов.

1. Китайская семья вступила на путь модернизации довольно поздно, в конце 1970-х, этому способствовали как объективные экономические процессы, в частности рост промышленного производства и миграция в города сельских жителей на заработки, так и проведение государством политики «одна семья — один ребенок», радикально меняющей отношения в семье и при этом повышающей уровень жизни населения.

2. Семейной политики как таковой в Китае не проводилось. Как пишет С. Ли, «по сравнению с процветанием выдвигания и изучения семейной политики в других странах, Китай по этому направлению находится в серьезном отставании» [29, с. 139]. Исследователь называет китайскую семейную политику «скрытой», потому что в Китае нет специальных государственных структур, занимающихся проблемами семьи и «китайское правительство никогда не заявляло официально об осуществлении семейной политики» [29, с. 140]. В действующей Конституции

КНР (1982 г.) в ст. 25 указывается: «Государство осуществляет планирование рождаемости, с тем чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития». Из всего многообразия направлений семейной политики государство выделяет только планирование семьи, открыто объявляя это государственной задачей вне зависимости от семейного и репродуктивного выбора граждан.

3. Консенсус в семье достигается через использование государством глубоко укорененных в сознании граждан конфуцианских ценностей. Исследования показывают, что «на подсознательном уровне молодые китайцы имеют тесную связь с нравственными ценностями межличностных обязательств в рамках традиционной культуры» [33, с. 60]. В силу этого «тема кризиса семьи, обсуждаемая в России и странах Запада, не занимает в научной литературе, посвященной китайской семье, сколько-нибудь значительного места» [25, с. 67].

Другими словами, Китай, как и в случае с экономикой, пошел по пути частичной модернизации семьи, укрепляя традиционные системы через использование новых форм организации [38]. Конфуцианство продолжает оставаться ценностной основой семейных отношений в стране. «Пожизненный родительский долг перед детьми играет столь же важную роль, как сыновний или дочерний — «политика одного ребенка» лишь усилила обе нормы» [25, с. 67]. Тем самым семья продолжает выполнять жизненно необходимую в условиях отсутствия системы всеобщего социального обеспечения функцию экономической поддержки своих членов, как и во времена традиционного общества. Китайский неофамилизм, жестко регулируя рождаемость, «оставляет простор для реализации семейных экономических инициатив ... 85,4% частных фирм в КНР контролируются семьями» [25, с. 66–67].

Теперь рассмотрим, какую роль играет государство в модернизации семьи в России. Тенденции снижения рождаемости, характеризующие завершение демографического перехода, в нашей стране были зафиксированы гораздо раньше, чем в Китае. СКР для городского населения составил 1,935 уже в 1960–1961 гг., а для всего населения — 1,972 в 1969–1970 гг. Небольшой демографический подъем 1984–1985, когда СКР равнялся 2,057¹, остался исключением из правил. Рождаемость снижалась под воздействием объективных исторических процессов — широкого выхода женщин на рынок труда и ускоренной урбанизации. Перепись 1957 г. зафиксировала превышение городского населения над сельским. Произошел переход от расширенной патриархатной семьи сначала к детоцентристской, а затем к супружеской.

Это не было целью государства, а стало побочным эффектом ускоренной экономической модернизации. Формирование советского гендерного контракта «работающая мать» привело к тройной нагрузке женщин (работа по найму, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и пожилыми родственниками). Это не могло не снизить рождаемость. Экономические трудности 1990-х довели ее до критических значений (см. табл.).

В этих условиях государство начинает проводить активную пронаталистскую политику и пытается идти по пути частичной модернизации семьи. 10 лет назад автору с И. Юкиной уже довелось высказать свои соображения по обоснованности такого пути [23]. Посмотрим, изменилось ли что-то за прошедшее время.

Меры российской семейной/демографической политики условно можно разделить на две большие группы — экономические (материальная помощь семьям с детьми, в том числе известный сертификат на получение материнского капи-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости // Демографический ежегодник России 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 22.02.2020).

тала при рождении первого/второго/третьего ребенка) и идеологические (пропаганда ценности семьи, детей и семейных отношений). В настоящее время основная ставка сделана на экономические меры.

Оценивая их эффективность, необходимо понимать, что они не в состоянии компенсировать семьям расходы на содержание детей. «Доля малоимущих домохозяйств с детьми в возрасте 16 (18) лет в общей численности населения увеличилась с 60% в 2011 г. до 63% в 2015 г. Причем увеличение этой доли касается только двухдетных семей» [13, с. 108].

Необходимо отметить еще один фактор, во многом обесценивающий меры материальной поддержки семьи, с точки зрения решения государственных задач. А именно преобладание у россиян патерналистской психологии и подданнической политической культуры. Во многом это следствие советской политики социального обеспечения, но и сейчас «бедные слои населения, воспользовавшиеся «стимулами «по повышению рождаемости, сами не предпринимают активных усилий по повышению своего уровня жизни» [13, с. 108]. Как показывают опросы, «большинство населения не удовлетворено малым объемом государственной материальной помощи семьям, а отнюдь не ее «патернализмом». [25, с. 70]. Это характерно и для студенческой молодежи. По данным социологов, снижается число тех, кто полагается преимущественно на собственные силы. В 2007 г. таких было 85,5, в 2019 г. — 80%. «Студенческая молодежь ожидает от государства денежной поддержки, помощи в приобретении или предоставлении жилья и трудоустройстве» [3, с. 209]. Эти данные свидетельствуют, что российская семья в ходе реформ 1990-х не восстановила свою экономическую функцию.

В отличие от Китая помощи в решении своих проблем люди ждут не от семьи, а от государства. Об этом же говорит и низкая доля семейных предприятий в стране. Только в июле 2019 г. Минэкономразвития РФ подготовило законопроект о введении понятия «семейное предприятие», а Минфин начал разрабатывать параметры «семейного патента»¹. Психология патернализма формирует отношения социально-экономической зависимости от государства и загоняет семьи в «ловушку бедности». Это может привести к такой же ситуации, как и в США, когда «в начале XXI в. дети, а не пожилые, стали беднейшей группой» [13, с. 108]. Но бедные семьи никогда не смогут обеспечить нужное качество населения.

Идеологические меры российской семейной/демографической политики связаны с пропагандой традиционных семейных ценностей и традиционной семьи. Однако здесь возникает некая двусмысленность. Государство, говоря о традициях, имеет в виду православные традиции расширенной патриархатной семьи², население имеет в виду советскую семью 1970–1980-х гг. Традиционализм российского населения проявляется не в преклонении перед традициями прошлого, а в неприятии «нетрадиционных» моделей поведения и идей, ассоциируемых с влиянием Запада [25, с. 70].

И та, и другая традиционность недостижимы в принципе. Православная идеология (как и идеология других конфессий) не является господствующей в общественном сознании. Свидетельством этому является отношение россиян к искусственному прерыванию беременности. Хотя государство всячески ограничивает условия легальности этой процедуры, все, на что реально оно может пойти — это

¹ Эксперты оценили перспективы развития семейных предприятий в России. ТАСС. 29 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6711401> (дата обращения: 22.02.2020).

² Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р //Собрание законодательства РФ. 2014. № 35, ст. 4811.

перевести ее в разряд платных медицинских процедур, а также разрешить общественным (религиозным) организациям проводить с беременными различного рода разъяснительную работу. Что касается советской семьи, то она существовала в принципиально иных экономических условиях, когда не было такой сильной имущественной дифференциации, и государство финансировало все учреждения социальной сферы, в силу чего семьи решали совсем иные проблемы, чем сейчас. Думается, что неудачи со стимулированием перехода семей к 2–3-детности связаны также с отсутствием понятных и приемлемых для населения жизненных перспектив. Люди не склонны рожать детей для государства, они хотят рожать их для себя [подробнее см. 22].

Обобщая, можно сделать следующие выводы.

1. Модернизация российской семьи в гораздо большей степени соответствует западному сценарию второго демографического перехода, хотя в стране существуют весьма значительные межрегиональные различия, связанные с этничностью и конфессиональностью населения. Традиции многодетности и расширенной семьи в семье с абсолютным большинством городского населения с начала 1970-х во многом утрачены.

2. Россия вряд ли сможет проводить успешную политику частичной модернизации семьи по образцу Китая, который включил в семейную/демографическую политику дискурс конфуцианства и усиливает экономическую функцию семьи. Это связано с тем, что в стране нет единой ценностной/религиозной основы семейных отношений, а функцию экономической поддержки семьи и граждан еще в советское время взяло на себя государство, сформировав у населения патерналистскую психологию.

3. Следование политике западноевропейских стран, имеющих высокие СКР, требует не только материальной поддержки семей с детьми, но и признание факта существования модернизированной и плюралистичной по форме семьи, по-новому понимающей ценности родительства и брачно-семейных отношений. Исходя из логики модернизации, необходимо в качестве идеала рассматривать не традиционную, а счастливую семью.

Оценивая возможности достижения государством цели стабилизации демографических процессов на базе частичной модернизации семьи, можно сказать, что у Китая их значительно больше. Тенденции индивидуализации не затронули китайское общество столь же глубоко, как российское, городское население превысило сельское только в 2011 г. Мощным фактором, поддерживающим родительский потенциал, становится глубоко укорененная в сознании населения философия конфуцианства.

У России шансов вернуться к доминированию 2–3-детной модели семьи значительно меньше, потому что страна урбанизовалась уже в середине XX в., традиции многодетности населением во многом утрачены, экономические функции семьи ослабли в силу существования развитой системы социального страхования и пенсионного обеспечения. Поощрение государством многодетности мерами материальной поддержки в условиях распространенности у населения патерналистской психологии будет порождать застойную бедность семей с детьми, ограничивать возможности развития человеческого капитала и роста качества населения страны.

Заключение

И в России, и в Китае государство стремится использовать семью как ресурс экономического развития, институциональные различия связаны с отношением самих людей к семье, ее ценности для них, в роли государства в жизни семьи.

В Китае эта роль пока минимальна, традиционализм связан с конфуцианством (взаимной заботой детей и родителей, самообеспечением семьи), переход к политике двухдетности «пока не сопровождается стимулирующими мерами социального характера в масштабах всей страны» [33, с. 59]. В то же время при средних запросах воспитание ребенка городской семье обходится в 20 тыс. юаней в год, тогда как среднедушевой доход горожан составляет чуть более 30 тыс. юаней [27, с. 61]. Родить в таких условиях второго ребенка, значит обречь себя на нищету.

В России, наоборот, ставка сделана на экономические меры поддержки семьи, существуют многочисленные программы государственной помощи семье и детям, с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. в стране реализуется Национальный проект «Демография»¹, развиваются социальные сервисы по уходу за детьми и престарелыми.

Однако, как отмечалось в начале статьи, суммарные коэффициенты рождаемости в наших странах практически одинаковые.

Выдвинутая гипотеза о том, что у Китая больше возможностей стабилизировать демографические процессы за счет частичной модернизации семьи, чем у России, была подтверждена. Данные статистических и социологических исследований свидетельствуют, что традиционная семья оказывается более востребованной в Китае. Социальная политика в этой стране находится на этапе своего формирования, поэтому семья играет роль буфера, смягчающего жесткость реалий рыночной экономики. Для России ценность семьи определяется не столько экономическими мотивами, сколько социально-психологическими, поэтому государству необходимо не де-модернизировать семью, а, напротив, усиливать ее модернизацию, создавая условия, в которых родительство стало бы для населения постматериальной ценностью.

В данном исследовании совсем не был затронут такой важный фактор модернизации семьи, как изменение положения женщины в обществе. Понятно, что движение к гендерному равенству идет вразрез с традициями расширенной патриархальной семьи и многодетности. Однако успешный опыт стран Северной Европы в деле повышения рождаемости говорит, что эта взаимосвязь не так проста и прямолинейна. В Китае данная тематика усугубляется гендерным дисбалансом, сложившимся за время проведения политики «одна семья — один ребенок». Включение гендерного измерения в исследование процессов модернизации семьи в России и Китае — это весьма перспективное направление дальнейшего исследования темы.

Литература

1. Абрамов А. П., Цзе Л. Социокультурная трансформация китайской семейной традиции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 3 (28). С. 171–180.
2. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
3. Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars Administrandi*. Искусство управления. 2019. Т. 11. № 2. С. 200–219.
4. Баженова Е. С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: ИД «Форум», 2010.

¹ Паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]. Доступ URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 01.03.2020).

5. *Баженова Е. С.* Социально-демографическое развитие КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017–2018: монография. М. : ИД «Форум», 2018. С. 109–119.
6. *Баженова Е. С.* Китайская семья в условиях новой демографической политики // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменнов. 2018. С. 97–109.
7. *Барлукова О. М.* Влияние модернизации Китая и политики планирования деторождения на основные функции китайской семьи // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 104–106.
8. *Безрукова О. Н.* Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 85–97.
9. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну: пер. с нем. М. : Прогресс-традиция, 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/bek_ulrih/obshchestvo_riska_na_puti_k_drugomu_modernu.html (дата обращения: 17.02.2020).
10. *Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 108–117.
11. *Веселова Л. С.* Изменение статуса женщин в современном Китае: новые вызовы и возможности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1455–1465.
12. *Григорьева К. В., Котельникова Т. В.* Трансформация семейных ценностей среди молодого поколения в Китае // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2015. № 16–2. С. 12–20.
13. *Гурко Т. А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11 (403). С. 99–110.
14. *Гурко Т. А.* Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 65–80.
15. *Гурко Т. А.* Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 77–85.
16. *Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А.* Региональная динамика рождаемости и соотношение демографической, семейной и гендерной политики // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 44–55.
17. *Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А.* Семья перед лицом новых социальных вызовов // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 60–68.
18. *Елисеева И. И., Клупт М. А.* Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 53–65.
19. *Калабихина И. Е.* Современная социально-демографическая политика в России: есть ли преемственность в концептуальных подходах в документах 2007–2017 гг. // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 14–28.
20. *Кашина М. А.* Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства // Управленческое консультирование. 2019. № 9 (129). С. 19–33.
21. *Кашина М. А.* Малодетность в России и Китае: сходство результатов при различии причин // Демографические проблемы России: взгляд из прошлого в будущее (к 300-летию М. В. Ломоносова) : Материалы международной конференции 26–27 сентября 2011. СПб. : Нестор-История, 2012. С. 52–65.
22. *Кашина М. А.* Социально-демографическая политика государства: в поисках гармонии интересов государства и населения // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (Девятые Валентеевские чтения) : сб. статей и тезисов выступлений. М. : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 53–62.
23. *Кашина М. А., Юкина И. И.* Российская демографическая политика: опыт гендерного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1(46). С. 109–123.
24. *Клупт М. А.* Региональные альтернативы глобального демографического развития // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 66–77.
25. *Клупт М. А.* Семья в России и Китае: между реформами и традицией // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 65–75.

26. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции [Электронный ресурс]. URL: http://ecsosman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420074/Kon_Tri%20v%20odnom_2011_1.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
27. Куприянова Ю. А., Янишевская А. И. Новая демографическая политика в Китае: «одна семья — два ребенка» // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 53–64.
28. Ли С. Семья в состоянии «пустого гнезда» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 211–222.
29. Ли С. Формирование и особенности семейной политики в КНР // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 1. С. 138–142.
30. Миняжев Т. Р., Вэй Жочжу. Социологическая оценка изменений в развитии института семьи в КНР как объекта семейной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 304–311.
31. Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / под ред. И. И. Елисеевой. СПб. : Реноме, 2018.
32. Савченко А. В. Китайская семья в начале XXI в.: традиции и реалии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 242–244.
33. Сивинцева О. В. Пронаталистский поворот в Китае: возврат к традиционным семейным ценностям или новая реальность? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13. № 3. С. 54–67.
34. Симонова А. И. Китайский опыт в политике планирования рождаемости: результаты и последствия // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Совет молодых ученых ИДВ РАН. 2017. С. 114–122.
35. Цыпилова С. С. Положение женщины в современном китайском обществе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (61). С. 158–163.
36. Челнокова-Щейка А. В. Трансформация семейных ценностей в современном Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 309–314.
37. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008.
38. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации, распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасов. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 470–480.

Об авторе:

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; Kashina-ma@ranepa.ru

References

1. Abramov A. P., Ze L. Sociocultural transformation of the Chinese family tradition // News of Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment]. 2018. V. 8. N 3 (28). P. 171–180. (In rus)
2. Almond G. A., Verba S. Civic culture and stability of democracy [Electronic resource]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (case date: 17.02.2020). (In rus)
3. Andryushina E. V., Panova E. A. Influence of state policy on family strategies of student youth // Ars Administrandi. The art of management [Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya]. 2019. V. 11. N 2. P. 200–219. (In rus)
4. Bazhenova E. S. 1 300 000 000. Chinese population: development strategy and population policy. M.: Forum Publishing House, 2010. 303 p. (In rus)
5. Bazhenova E. S. Socio-demographic development of the PRC // People's Republic of China: politics, economics, culture 2017–2018: monograph. M.: Forum Publishing House, 2018. P. 109–119. (In rus)
6. Bazhenova E. S. The Chinese family in the conditions of a new demographic policy // In the collection: the 13th five-year plan (20162020) is the most important stage in the con-

- struction of a small welfare society in China “xiaokang” / Ex. ed. A. V. Ostrovsky; cillection P. B. Kamennov. 2018. P. 97–109. (In rus)
7. Barlukova O. M. The impact of China’s modernization and childbearing planning policies on the basic functions of the Chinese family // Bulletin of Buryat State University [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2013. N 14. P. 104–106. (In rus)
 8. Bezrukova O. N. Models of parenthood and parental potential: intergenerational analysis // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2014. N 9 (365). P. 85–97. (In rus)
 9. Beck W. Risk Society. On the way to another Art Nouveau. M.: Progress-tradition, 2000 [Electronic Resource] URL: https://royallib.com/book/bek_ulrih/obshchestvo_riska_na_puti_k_drugomu_modernu.html (case date: 17.02.2020). (In rus)
 10. Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. How to dispose of «maternal capital» or citizens in family policy // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2012. N 7. P. 108–117. (In rus)
 11. Veselova L. S. Changing the status of women in modern China: new challenges and opportunities // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities [Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2018. V. 160. N 6. P. 1455–1465. (In rus)
 12. Grigorieva K. V., Kotelnikova T. V. Transformation of family values among the younger generation in China // Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the Eastern Center [Rossiya i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya: sbornik Vostochnogo tsentra]. 2015. N 16-2. P. 12–20. (In rus)
 13. Gurko T. A. New family forms: trends in distribution and concepts // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017. N 11 (403). P. 99–110. (In rus)
 14. Gurko T. A. Student perceptions regarding parenthood and the social roles of men and women // Sociological science and social practice [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika]. 2019. V. 7. N 2 (26). P. 65–80. (In rus)
 15. Gurko T. A. Reproductive plans of spouses and factors affecting them // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2014. N 9 (365). P. 77–85. (In rus)
 16. Dobrokhleb V. G., Ballaeva E. A. Regional fertility dynamics and ratio of demographic, family and gender policies // Population [Narodonaselenie]. 2017. N 4 (78). P. 44–55. (In rus)
 17. Dobrokhleb V. G., Ballaeva E. A. Family in the face of new social challenges // Population [Narodonaselenie]. 2018. V. 21. N 2. P. 60–68. (In rus)
 18. Eliseeva I. I., Klupt M. A. Transformation of the family in Russia and China: comparative analysis // Questions of statistics [Voprosy statistiki]. 2016. N 8. P. 53–65. (In rus)
 19. Kalabikhina I. E. Modern socio-demographic policy in Russia: is there continuity in conceptual approaches in the documents 2007–2017 // Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2019. N 4. P. 14–28. (In rus)
 20. Kashina M. A. Employment of women in the Russian civil service: balance of consequences for the family and the state // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 9 (129). P. 19–33. (In rus)
 21. Kashina M. A. A few children in Russia and China: similarity of results in distinguishing causes // Demographic problems of Russia: a look from the past to the future (to the 300th anniversary of M. V. Lomonosov): Materials of the international conference on September 26, 27, 2011. St. Petersburg: Nestor-History, 2012. P. 52–65. (In rus)
 22. Kashina M. A. Socio-demographic policy of the state: in search of harmony between the interests of the state and the population // Demographic education and population studies at universities (Ninth Valenteev readings): a collection of articles and theses of speeches. M.: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 2017. P. 53–62. (In rus)
 23. Kashina M. A., Yukina I. I. Russian demographic policy: experience in gender analysis // Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2009. V. 12. N 1 (46). P. 109–123. (In rus)
 24. Klupt M. A. Regional alternatives to global demographic development // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2012. N 2. P. 66–77. (In rus)
 25. Klupt M. A. Family in Russia and China: between reforms and tradition // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2019. N 5. P. 65–75. (In rus)
 26. Kon I. S. Three in one: sexual, gender and family revolutions [Electronic resource] URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420074/Kon_Tri%20v%20odnom_2011_1.pdf (date of address: 17.02.2020). (In rus)

27. Kupriyanova Yu. A., Yanishevskaya A. I. New demographic policy in China: «one family — two children» // Demographic review [Demograficheskoe obozrenie]. 2017. V. 4. N 2. P. 53–64. (In rus)
28. Lee S. The family is in a state of “empty nest” // Bulletin of Pacific State University [Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2017. N 1 (44). P. 211–222. (In rus)
29. Lee S. Formation and features of family policy in the PRC // Scientific notes TOSU [Uchenye zametki TOGU]. 2016. V. 7. N 1. P. 138–142. (In rus)
30. Minyazhev T. R., Wei Zhozhu. Sociological assessment of changes in the development of the family institute in China as an object of family policy // Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Sociology [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya]. 2016. V. 16. N 2. 3. 304–311. (In rus)
31. The new significance of the family and intergenerational relations for Russia and China / ed. I. I. Eliseeva. St. Petersburg: Renome, 2018. 208 p.
32. Savchenko A. V. Chinese family at the beginning of the 21st century: traditions and realities // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2013. N 8. P. 242–244. (In rus)
33. Sivintseva O. V. Pronatalist turn in China: a return to traditional family values or a new reality ? // Bulletin of Perm University. Series: Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya]. 2019. V. 13. N 3. P. 54–67. (In rus)
34. Simonova A. I. Chinese experience in fertility planning policy: results and consequences // Architecture of security and cooperation in East Asia reports presented at the IV international conference of young orientalists at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; Council of Young Scientists IFE RAS. 2017. P. 114–122. (In rus)
35. Tsybilova S. S. The situation of women in modern Chinese society // Scientific notes of Transbaikal State University [Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta]. 2015. N 2 (61). P. 158–163. (In rus)
36. Chelnokova-Shcheika A. V. Transformation of family values in modern China // Knowledge. Understanding. Ability [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2013. N 4. P. 309–314. (In rus)
37. Chernova Zh. V. Family policy in Europe and Russia: gender analysis. St. Petersburg: Norma, 2008. 328 p. (In rus)
38. Eisenstadt S. The new paradigm of modernization is the decay of the early paradigm of modernization and the revision of the relationship between tradition and modernity // Comparative study of civilization: Textbook for university students, collection, edition of B. S. Erasov. M.: Aspect Press, 1998. P. 470–480. (In rus)

About the author:

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; Kashina-ma@ranepa.ru